Заключение

Заканчивая обзор на очередной том широкомасштабного проекта энциклопедии «Религиозно-общественная жизнь российских регионов», следует признать, что авторский коллектив проделал колоссальную по объему и уникальную по содержанию работу. Некоторые замечания к новому тому, конечно же, имеются: например, в издании при раскрытии альтернативных РПЦ религиозных объединений наличествует явный перекос в сторону протестантских церквей; ощущается нехватка информации (или интереса авторского коллектива?) о роли ислама в российских регионах; сохраняются ранее уже поставленные вопросы о методике отбора интервьюируемых специалистов и религиозных лидеров и необходимости раскрытия на страницах энциклопедии исследовательской «кухни». Однако в целом новый том достоин положительной оценки: содержащийся в нем материал характеризуется высоким качеством проведенного анализа и доступным языком изложения. Данный труд заслуживает внимания специалистов разного профиля и займет достойное место на полке как специалиста по государственно-конфессиональным отношениям, религиоведа, социолога и политолога религии, так и гражданина, которому небезынтересна религиозная и общественно-политическая обстановка в российских регионах.

М. Богачев

Энциклопедический словарь социологии религии / Отв. ред. М.Ю. Смирнов. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. — 508 с.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-238-244

Несомненно, что главный редактор этого издания Михаил Смирнов и круг авторов, представляющих кафедральное, многоуважаемое постсоветское религиоведение, исходили из самых лучших побуждений и затратили немало усилий, чтобы сделать полезную книгу. Результат вышел неоднозначный: местами безукоризненно солидный, но в целом не очень внятный и даже странный. Притом что отдельные статьи написаны продуманно и профессионально; притом что некоторые важные социологические теории и имена представлены адекватно и имеют справочную и обучающую ценность — все же в целом, именно в целом, остает-

ся не вполне понятно, как этой книгой пользоваться.

Сам изначальный дизайн вызывает большие сомнения. Вот так расположить по алфавиту все подряд — имена, понятия, названия организаций — по типу больших универсальных энциклопедий, кажется не очень уместным решением в случае представления отдельной научной дисциплины. *Handbooks* и *companions* по академическим дисциплинам никогда не строятся таким образом: они обычно состоят из тематических разделов, отчасти напоминая классические учебники, и могут быть дополнены справочными материалами в качестве приложения. Здесь же все иначе: разнопорядковые статьи следуют в одном ряду по алфавиту: «Агностицизм», «Адепт», «Асад, Талал», «Атеизм» и так далее. Проблема, по-видимому, начинается с критериев определения «веса» имен и понятий на уровне составления словника. Есть, например, статья «Эсхатология в массовом сознании». Возможно, имеется в виду, что само понятие «эсхатология» читателю известно, а массовость предполагает именно социологическую релевантность. Но при этом есть отдельные статьи об атеизме, иерофании, обряде, богослужении, молитве, экуменизме, пацифизме и проч. В статье «Атеизм» автору (Е. Уфимцевой) приходится объяснять, что такое атеизм вообще, и излагать всю его историю начиная с Демокрита (!); до реальной *социологии* этого явления она так и не доходит. Ясно, что все эти явления — и пост, и обряд, и молитва, и монашество, и все прочее — имеют социологическое измерение, но авторам редко удается сохранить именно этот, социологический, акцент и избежать общего, пусть даже порой вполне добротного, но здесь излишнего описания тех или иных явлений с длинными историческими очерками и философскими спекуляциями.

Еще пример путаницы в изначальном замысле и составленном словнике: целая серия статей начинается со слова «религия», по модели «религия и... все что угодно»; ясно, что религию можно связать с любым другим элементом общества и культуры, однако также очевидно, что такой принцип написания словаря выглядит довольно беспомощно. Тем более что вдруг эта модель по непонятным причинам предстает в обратном порядке: «Терроризм и религия». Или, например, статья «Гражданское общество и религия» (автор — известный итальянский социолог С. Феррари), где почему-то долго и подробно рассказывается о том, что такое гражданское общество в целом, а под конец предлагается некая казуистика о соотношении веры и истины, тогда как вынесенная в название проблема

имеет ряд конкретно-социологических импликаций, автором игнорируемых. То же самое со словом «концепция»: следует целый ряд статей, начинающихся с этого слова; непонятно, почему нельзя было назвать статьи «Имплицитная религия», «Невидимая религия», «Публичная религия», а не предварять все эти термины словом «концепция». А есть, наряду с «концепциями», и статья под названием «Постулат о “консервативных церквях„» (об отдельном аспекте теории религии Старка и Финке), следующая сразу же за статьей «Пост». Не очень понятно, какой пользователь и почему вдруг станет листать книгу в поисках слова «постулат».

В некоторых формулировках и стиле угадывается потертое, проверенное сочетание социологии и религиоведения, проросших из старого марксизма: например, автор статьи «Феномен религиозный» (Е. Аринин) долго и тягостно рассуждает о том, что́ есть вообще «феномен» и что́ есть вообще «феноменология». В том же духе мало релевантны такие статьи, как, например, «Типология отношения к религии» или «Колеблющиеся в отношении религии» (sic! отдельная статья!) — не очень понятно, как они соотносятся друг с другом. Понятие *fuzzy-religiosity* вдруг всплывает в качестве отдельной статьи (а не в виде «концепции»!) и почему-то именно по-английски (в отличие от всех остальных), хотя есть множество других, более существенных, смежных понятий, которые опущены. И вообще — почему все эти понятия выделены, а не соединены в рамках того же ключевого и подлежащего типологизации, сложного, но семантически компактного и прозрачного понятия «религиозность»? «Религиозность» — безусловно, центральный термин в социологии религии, и, по-видимому, правильно, что книга включает четыре авторские статьи об этом понятии (Р. Лопаткин, Е. Островская, Е. Руткевич, И. Яблоков). Но другие тексты выглядят как лишние довески или избыточные сущности: например, статья «Религиозно-мифологический комплекс в общественном сознании» (автор — М. Смирнов). Неясно, как это соотносится с «религиозностью», «религиозным сознанием» и многими прочими терминами, которым тоже посвящены статьи и с которыми этот текст бесконечно пересекается; не говоря уже о том, что и само слово «комплекс» (в унылом сочетании «религиозно-мифологический комплекс») может вызвать другие ассоциации у людей, не знакомых с советским философским языком.

Повторю: есть в усилиях причастных к книге социологов основательность и добротность. Например, очень верно и разумно уже упомянутое решение по-

местить по нескольку статей разных авторов на одну и ту же тему. Так, в «Словаре» есть четыре статьи об идентичности — понятии, безусловно, важнейшем. То же касается ряда других важных понятий — например, светскость и секулярность. Но в других случаях логические сбои слишком часты. Когда рядом с несколькими статьями на тему «Глобализация и религия» вдруг возникает статья «Глобальные перспективы религии», начинаешь сомневаться в наличии у всего проекта общей координации. Или другой пример: наряду с короткой статьей о приватизации религии (К. Колкунова) почему-то есть столь же короткая статья о приватизации *веры* (М. Смирнов), и в то же время — в пять раз более пространная статья о «деприватизации религии» (Е. Руткевич). Странно, что три разных автора говорят о двух аспектах одного и того же социологического дискурса; вдвойне странно, что понятию «приватизация религии» — гораздо более проработанному, содержательно стержневому и остающемуся таковым в социологии — уделяется гораздо меньше места. Или еще: есть отдельная статья о «профанном», отдельная — о «сакральном», а в довесок еще одна — о «священном»... Тут комментарии излишни.

Некоторые тексты написаны действительно солидно, системно, со ссылками на последние западные работы, и эти статьи в некоторой степени оправдывают проект в целом. Однако в других случаях формулировки не выдерживают критики. Например, хотя и полезно, что в словник вводится понятие «вернакулярные религии», этому термину дается совсем невнятное определение: «Вернакулярные религии — трактовка зависимости восприятия к-л. религии конкретными сообществами... и т.д.» (Е. Гришаева); тут явная путаница и с синтаксисом (как «религии» могут быть «трактовкой»?), и по содержанию. Или в статье о том же Талале Асаде (автор — К. Медведева) говорится, что Асад рассматривает ислам «не как некий теоретический объект, а как конкретную историческую тотальность»; хотя описание подходов Асада адекватно, в основе — странное противопоставление: почему «историческая конкретность» делает невозможным рассматривать ислам как «теоретический объект»? Может быть, автор хотел выразить какую-то другую мысль?

Или возьмем определение «движения религиозного» (именно в таком порядке), которое есть, «в широком смысле», как пишет автор статьи (М. Смирнов), «любая самостоятельная совокупность верующих, отличающаяся от других своим вероисповеданием и *действиями религиозными*» (sic! именно

так в тексте, ибо понятию «действия религиозные» также посвящена отдельная статья). Остается совершенно неясным, чем при таком определении собственно «движение» отличается от не-движения — притом что понятие это в социологии вполне специальное. Слово «адепт» (М. Смирнов) приравнивается к понятию «религиозный виртуоз», что вряд ли верно. В статье о Максе Вебере (тот же автор) формулируется «так называемый тезис Вебера» о якобы зависимости общества и культуры от «содержания религиозных воззрений»; подобный «тезис» в такой жесткой формулировке, конечно, есть сильное упрощение, которое ни сам Вебер, ни серьезные современные социологи не могли допустить. А если секуляризацией называть «процесс утраты религии своей социальной значимости», то кажется, мягко говоря, некоторым преувеличением следующее затем утверждение, что все христианские реформаторы, такие как Уиклиф, Гус или Лютер, «выдвигали требование секуляризации» (автор Е. Элбакян): пусть это только неудачная формулировка, но все же... попробуем представить себе Лютера, призывавшего к «утрате значимости религии»! Быть может, я излишне придирчив? Но таких неуклюжих мест довольно много.

Полезны и важны в «Словаре» очерки о персоналиях, особенно об изучавших религию крупных западных социологах, творчество которых не очень известно на русском языке и, значит, находится на периферии, по крайней мере, российского студенческого кругозора: таковы Пьер Бурдье, Роберт Белла, Джеймс Бекфорд, Брайан Уилсон, Грейс Дэйви, Роберт Уитноу и некоторые другие. Однако некоторые другие имена, включенные в этот ряд, кажутся не вполне уместными. Скажем, имя Е. Бабосова, «советского и белорусского философа», особенно если вклад последнего заключался в том, что он «рассматривал религию как специфическое духовно-социальное явление в его взаимодействии с другими сферами...» — как будто можно рассматривать религию как-то иначе... Или почему-то удостоенного чести, наряду с Бурдье и прочими, некоего А. Лукачевского, «активного деятеля Союза воинствующих безбожников». Или, скажем, советского академика и чиновника Георгия Францева, когда-то изучавшего древнеегипетскую религию и к *социологии* не имевшего никакого отношения.

Не всегда справляются авторы с языковым балансом: понятна зависимость российского социологического дискурса от западного, и все же странно предпочтение слову «конверсия» при наличии вполне внятного русского «обращение», и совсем

необязательно уважаемого европейского профессора называть «хабилитованным доктором».

Большое значение уделяется в «Словаре» академическим институциональным структурам, имеющим отношение к социологии религии; подробно описаны соответствующие российские, иностранные и международные общества, организации и ассоциации разных рангов и масштабов. Цеховая жизнь научной дисциплины — вещь полезная, но многочисленные сухие страницы, ей посвященные, сильно напоминают справочник.

Говоря в целом, книга, в силу не вполне продуманного дизайна, оставляет впечатление суммы разрозненных, разнопорядковых и разноуровневых осколков-фрагментов, из которых не проглядывается контур единого здания: по-видимому, сам алфавитный принцип был изначально негодным для подобного проекта, тем более если учесть, как трудно читателю предугадывать причуды бессистемно составленного словника. Что же касается содержания, то, несмотря на солидность некоторых текстов, в целом авторам, на мой взгляд, не удалось отразить *актуальный* статус дисциплины — социологии религии, каковой она была и каковой является на момент издания. Социологическая проблематика часто растворяется в традиционном общем религиоведении. История дисциплины и базовые сведения о ней преобладают, а многие актуальные темы целиком или почти опущены. Почти нет осмысления того, как социология религии ощущает себя в эпоху после постструктуралистской и постмодернистской критики; нет описания и теоретической оценки постколониальной и феминистской проблематики; игнорируется концепция постсекулярности; почти не освещается коммодификация религии — переосмысление религиозных объектов и практик в неолиберальной экономической и консюмеристской среде; нет активно развивающихся еще с 1990-х гг. исследований религии в рамках социологии пространства (особенно внутри *urban studies*); нет глубинного теоретического анализа медиатизации религиозности в цифровой среде (хотя статья о религии в интернете имеется); нет отдельных статей по национальному и этническому измерению религии, по миграциям и диаспорам (эти центральные темы только пунктирно затронуты в статьях о глобализации); нет осмысления религиозного насилия как социологической проблемы; нет настоящей, глубокой интерпретации соотношения религиозности и духовности (*spirituality*), соотношения народной, популярной (городской), фольклорной и «изобре-